

"Минерва, профессор Умино, чем обязан неожиданному удовольствию вашего общества?" Как обычно, директор сидел за своим столом, на его губах играла приветливая улыбка, а в глазах светился огонек.

Ирука подозревал, что ни улыбка, ни блеск не продержатся долго.

Минерва, как старший по возрасту член персонала и с гораздо более свежим гневом, взяла инициативу в свои руки. "Я позволила вам убедить меня в том, что сообщения учеников о жестоком поведении Северуса Снейпа были преувеличением и причудливыми слухами. Скажи мне, Альбус, ты действительно расследовал эти сообщения, когда Помона, Филиус и я принесли их тебе, или ты просто отмахнулся от них, как, как я начинаю понимать, ты отмахнулся от многих наших опасений за эти годы?"

Ирука был прав.

Застыв на мгновение в шоке, Дамблдор поднялся. "Я могу заверить вас, Минерва, что Северус Снейп пользуется моим полным доверием..."

Ирука вздрогнул.

"Так вы все время говорите, - перебила Минерва своего начальника, - но согласно тому, что я только что услышала, либо ваше доверие к Северусу ошибочно, либо мое доверие к вам!"

Ирука сделал мысленную пометку никогда не попадать в неприятную ситуацию с Минервой МакГонагалл.

Директор Дамблдор был явно не в себе от непривычной враждебности своего заместителя. "Может быть, вы объясните, что именно вас так возмутило? Я не могу ответить ни на ваши вопросы, ни на ваши обвинения, пока у меня нет жизненно важной информации, например, о чем вы вообще говорите". Последнее было сказано строгим, раздраженным и слегка саркастическим тоном.

Ирука должен был признать, что у этого человека есть мужество.

"Ирука пришел ко мне сегодня вечером, беспокоясь о двух наших профессорах. Первым был Катберт, и я объяснила ему сложную и трудную ситуацию, сложившуюся вокруг нашего профессора истории. Когда он заговорил о Северусе, я поспешила успокоить его тем же, чем успокаивала десятки студентов, которые приходили ко мне за последние десять лет с подобными проблемами: Ужасные истории об этом человеке - это в основном слухи и преувеличенные слухи. Представьте себе мой шок, когда он сообщил мне, что тайно наблюдал за сегодняшними занятиями по Зельям и лично видел подтверждение многих худших утверждений!".

В этот момент Ирука вышел вперед и начал снова описывать события, свидетелем которых он стал.

После первых нескольких анекдотов (охватывающих примерно первые двадцать минут утреннего урока), выглядевший очень встревоженным Дамблдор поднял руку, чтобы остановить чтение. "Вместо того, чтобы слушать эти истории из вторых рук, я бы предпочел сам наблюдать за событиями, о которых идет речь. Скажите, профессор Умино, вы когда-нибудь слышали о пенсне?".

Ирука покачал головой.

"Если говорить коротко, то это устройство, позволяющее хранить и просматривать воспоминания. Я хотел бы спросить, не могли бы вы одолжить мне копию ваших воспоминаний о том, как вы наблюдали за сегодняшним уроком зелий, чтобы я мог просмотреть их сам? Процесс извлечения безболезненный и не причиняет вреда; я буду только снимать копии, а не удалять воспоминания, что также возможно в случаях, когда человек хочет просмотреть событие свежим взглядом."

Ирука несколько нервно дал свое согласие.

"Очень хорошо. Просто сосредоточься на воспоминаниях, которыми ты хочешь поделиться; если ты владеешь окклюменцией, используй ее, чтобы подтолкнуть их вперед. Я приложу кончик своей палочки к твоему виску и оттяну его в сторону с копией самого главного воспоминания, после чего тебе нужно будет выдвинуть следующее. Дай мне знать, когда будешь готов, и когда я получу последнее воспоминание".

Ирука закрыл глаза и сосредоточился, подтолкнул воспоминания вперед, затем кивнул.

Снова и снова он чувствовал прикосновение палочки к своему виску, каждый раз ощущая странное притяжение в своем сознании, когда воспоминание копировалось. После последней итерации он открыл глаза и отступил назад. "Если Северус действительно так жестоко обращался со своими учениками, я дам ему ясно понять, что больше не потерплю этого. С этой целью я должен пожелать вам обоим доброго вечера. Спасибо вам обоим за то, что обратили на это мое внимание".

Ирука последовал за Минервой к выходу.

К тому времени, когда Альбус закончил просматривать воспоминания, время близилось к обеду, и он останавливался только на сон и быстрый завтрак, доставленный эльфами в его кабинет. Теперь, перекусывая столь же быстрым обедом, он размышлял над увиденным.

Не было никаких сомнений в том, что обида Северуса Снейпа на Джеймса Поттера осталась такой же горькой, как и в годы учебы в Хогвартсе. То, что Северус вымещает эту злобу на

невинном ребенке, было шокирующим, даже если не принимать во внимание тот факт, что этот человек поклялся женщине, которую он признавался в любви, что защитит сына, ради спасения которого она умерла. Еще больше усугубляло проблему то, что, хотя юный Гарри мог быть главным объектом ярости главы Слизерина, большинство учеников за пределами дома змей подвергались разной степени жестокости. Еще хуже было то, что Северус явно и бессердечно пренебрегал безопасностью своих учеников, не исправляя небезопасные приемы и опасные ошибки, которые он ясно видел, а дожидаясь, пока произойдет несчастье, чтобы обругать и наказать провинившихся студентов. Казалось, он даже разрешал, а возможно, и поощрял активный саботаж зелий других студентов потенциально опасными способами!

Когда молодой Северус только начал преподавать в Хогвартсе, на его поведение поступило несколько жалоб. Наблюдение за несколькими его уроками показало, что его стиль преподавания был в основном приемлемым: Новоиспеченный профессор был суров и строг, даже более строг, чем Минерва, и, признаваясь, иногда заходил слишком далеко, ругая своих учеников, но Альбус списал это на свою неопытность и все еще не остывшее горе из-за смерти Лили Поттер. Учítывая, что его шпион сыграл важную роль в окончательном поражении Лорда Волдеморта, он решил дать ему некоторую свободу действий, хотя в приватной беседе попросил Северуса несколько умерить свое поведение. После этого суматошный график директора не позволил ему проводить дальнейшие инспекции, кроме нескольких ранних проверок, чтобы убедиться, что условия в классе улучшились. Он просто (и, как теперь выяснилось, ошибочно) полагал, что продолжающиеся сообщения о нарушениях дисциплины были слухами, основываясь на своих предыдущих действиях и мрачном отношении. Теперь, однако, казалось вероятным, что улучшения были временными, а поведение профессора зелий за последнее десятилетие только усугубилось.

Другой сотрудник тоже не избежал пристального внимания Альбуса. Ему показалось весьма показательным, что воспоминания были чисто обрезаны, чтобы показать только то время, которое профессор Умино действительно провела в классе зелий. Вполне вероятно, что это было сделано намеренно, чтобы скрыть, как именно этот человек проникал в класс и выходил из него незамеченным; ему придется проверить стены и потолок в соседнем коридоре на наличие следов, чтобы определить, не было ли это еще одним случаем необычайной мобильности преподавателя Искусства Печати. Еще большее недоумение вызвали два инцидента, произошедшие во время вчерашнего первого занятия: В первом случае Драко Малфой проявлял признаки растущего беспокойства по мере того, как профессор Умино возмущался; причинно-следственная связь стала более вероятной благодаря тому, что когда профессор заметил беспокойство мальчика, он успокоился сам, и мальчик вскоре расслабился. Вскоре после этого юный Драко попытался сорвать зелье Гарри Поттера брошенным реагентом, но в последний момент не справился с броском, продемонстрировав явные признаки острого ужаса, который довольно быстро прошел. Ни в одном из случаев руки профессора Умино не были ни рядом с его палочкой, ни вне поля зрения, хотя в последнем случае его внимание было явно сосредоточено на отпрыске Малфоя, не оставляя никаких видимых признаков того, как он смог так сильно повлиять на мальчика, не используя видимых заклинаний и даже не имея зрительного контакта, через который можно было бы установить беспалочковую связь Легилименции. Казалось бы, еще одна загадочная способность, о которой стоит задуматься.

По крайней мере, уверенность Альбуса в мотивах и характере перемещенного профессора росла. Уже трижды этот человек рисковал раскрыть способности, которые явно хотел скрыть, и в каждом случае действовал в интересах студентов. Предложенные им изменения в коридоре

третьего этажа, если бы они были осуществимы, только усилили бы охрану вокруг Камня, еще больше снизив вероятность того, что он находится здесь в поисках артефакта.

Отложив на время загадочного путешественника в сторону, Альбус вернулся к текущему вопросу. Если эти воспоминания были верны, то его профессор зелий издевался над учениками и подвергал их опасности, не говоря уже о том, что он подрывал дисциплину в Хогвартсе, злоупотребляя системой баллов Дома. Последнее, по крайней мере, можно было легко подтвердить. Выхватив свою палочку, директор быстро вызвал главную копию Книги дисциплины, в которую записывались все задержания, начисления и потери баллов. Взяв свежий лист пергамента и самопишущее перо, он принялся за работу по подсчету недавней активности Северуса с разбивкой по Домам. По ходу работы он отметил несколько сомнительных и несколько откровенно легкомысленных наград и наказаний. Дойдя до этого момента на прошлой неделе, Альбус счел, что у него достаточно репрезентативная выборка, и в ужасе взглянул на свои результаты: Слизерин получил огромное количество баллов при небольшом количестве наказаний, в то время как остальные три Дома были сильно наказаны и почти не получили баллов. Может ли такая картина быть причиной долгой череды побед Слизерина в Кубке Домов?

Альбус чувствовал, как растет его гнев, пока он размышлял о возможных последствиях поведения своего шпиона в качестве профессора. Многократное жульничество Слизерина в Кубке Дома и издевательства над другими Домами подают очень негативный пример молодым змеям, уча их тому, что такое поведение приемлемо, поощряется и приносит пользу. В сочетании с враждебностью, которую это, вероятно, вызывало в других Домах, можно было предположить, что учеников зеленого и серебряного цвета сильно толкали в сторону Тьмы, и у них практически не было связей за пределами их Дома, чтобы вернуть их к Свету. Потворство неправильному поведению этих учеников только укрепило бы ядовитый урок. Если Том вернется, это может только облегчить его усилия по вербовке. И наоборот, поведение Северуса, вероятно, отвратило бы многих студентов, не являющихся Слизерином, от предмета Зелий, лишив их общество кандидатов на такие полезные профессии, как авроры и целители. Сколько потенциально исправимых душ уже было потеряно для Тьмы? Сколько детских мечтаний о будущей карьере умерло в этом классе в подземелье?

Он не мог действовать, пока не получит полное подтверждение. С этой целью он в какой-то степени подражал профессору Умино: Альбус спрячется в классе зелий под Мантией невидимости и будет наблюдать за утренним занятием первокурсников Гриффиндора и Слизерина. Если воспоминания окажутся точными, то, без сомнения, необходимо будет предпринять шаги по устранению проблемы. Планирование этих шагов будет задачей директора до тех пор.